

...Весна 2015-го безмятежно растекалась ручейками по тротуарам, совсем не попадая в рваный и нервный ритм суетной подготовки к презентации наконец-то вышедшей посмертной книги моего мужа Александра Багринцева «Быть добру!». Боль потери и долг памяти привели меня к изданию его книги ровно к годовщине ухода. Решила презентацию совместить с вечером памяти. Муж — профессиональный журналист — был отмечен даром слова. О книге он, ушедший из жизни рано и внезапно, — мечтал, у меня — с болью получилось исполнить. И очень хотелось, чтобы книгу читали и автора помнили... Еще и поэтому отнесла несколько изданий в Воронежское отделение Союза писателей России. А позже пригласила писателей на мероприятие. Тогда без вопросов откликнулись Евгений Григорьевич Новичихин и Виталий Иванович Жихарев. Так началось наше знакомство.

Общение выросло в дружбу (да простят мне мэтры литературы столь смелое утверждение). Оно оказалось плодотворным для меня и стало началом интересной цепи разных литературных событий: от публикаций в СМИ до издания собственной книги. Основной связующей темой стала судьба и творчество известного воронежского писателя, моего земляка-верхнемамонца Василия Алексеевича Белокрылова. Новичихин и Белокрылов были хорошо знакомы, многие годы принимали совместное участие в различных литературных форумах, были связаны творческой работой в рядах писательской организации. Потому наш интерес к судьбе и памяти прозаика был обоюдным.

Электронная переписка и телефонные звонки, встречи и разговоры с Евгением Григорьевичем Новичихиным, который в итоге редактировал мою книгу «Обернитесь — я здесь!» Азбука жизни писателя Василия Белокрылова», стали сами по себе богатым материалом. Пересмотрев множество наших писем, выбрала важное — на мой взгляд. Полагаю, что и читателям будет интересна эта публикация.

О ВАСИЛИИ БЕЛОКРЫЛОВЕ

Татьяна Багринцева: Евгений Григорьевич, спасибо за участие в вечере памяти В.А. Белокрылова «Я верую в свое предназначенье...» (с. Верхний Мамон, май 2016 года). Что, на ваш взгляд, удалось, где были проколы?

Евгений Новичихин: Я искренне благодарен за сегодняшний день. Он был очень душевным. Вообще, этой поездкой очень доволен. Что касается недостатков, то их можно объединить в один пункт: не хватало динамичности. Все выступления были интересными, но при этом все (и я в том числе) отличались многословием, не хватало лаконичности.

А удалось многое: главное — мощная память о таланте, большая аудитория присутствующих, широкое представление писателя, его журналистского и литературного наследия. Во всем чувствовалась сердечность. И конечно, присутствие и выступление приехавших на это мероприятие детей Белокрылова было самым эмоциональным моментом. У меня самого слезы на глаза навернулись. С Сашей Белокрыловым мне до этого не приходилось встречаться, а Катю я видел еще совсем малышкой. С женой Василия, Верой Ивановной, тоже, помнится, сталкивались в жизни.

Вы многое нашли для этого вечера — его книги, публикации, рукописи, личные вещи, документы, фотографии... И ваш так называемый журнал о Белокрылове получился что надо! Цветные фотографии в нем смотрятся хорошо. А письма Константина Михайловича Симонова в адрес Василия Алексеевича делают его уникальным. Образ писателя живо представлен зрителям. А я будто в наши молодые годы вернулся и пообщался со своим коллегой. Вам бы все это выпустить отдельной книжкой, и издание появится в библиотеках. Это же будет такая память о писателе!

Т.Б. Евгений Григорьевич, для меня это архисложно, я никогда подобной работой не занималась. И в этом случае обязательно потребуется профессиональная проверка и оценка.

Е.Н. Конечно. И я буду помогать вам, если решите дорабатывать хронику жизни Белокрылова. Вообще, я рад продолжению вашего интереса к этой теме. Таня, вот так и становятся крупными специалистами в какой-то сфере, библиографами. Конечно, продолжайте собирать о нем все, что попадает, как говорят, на глаза и в руки. Неплохо бы вам из этой хроники книжку сделать для серии «Неизвестные известные воронежцы». А что? Хорошая бы книжка получилась! Разумеется, без денег книжку не издать. Но, возможно, в Верхнемамонском районе найдутся люди, готовые помочь в память о писателе-земляке? Подумайте!

Главное — написать. А для этого у вас есть все возможности. Дерзайте! Ведь для тех, кто знал Белокрылова поверхностно, он предстанет в вашей будущей книге, безусловно, совершенно в новом свете.

Если не возьметесь за это дело, то ведь потом жалеть будете, уверен в этом! Решите — присылайте написанное мне. Обещаю и оценить честно, и помочь, если нужно.

Т.Б. Евгений Григорьевич, вы знали Белокрылова много лет. Расскажите о нем. Как вы воспринимали его неоднозначную натуру?

Е.Н. Да, Василий был человеком непредсказуемым, с широкой русской душой и всем тем, что душе такой свойственно. Однако крайностям натуры Белокрылова не надо удивляться. У талантливых людей всегда множество граней. Часто они не очень заметны, а у Белокрылова все было на виду. Его судьба была непростой от начала до конца, потому такую драму и такую боль, какие переживал Василий, способен выдержать только сильный человек. А многие считали его слабаком: мол, сдался водке, не в силах завязать с ней. Оказывается, теперь, после ваших архивных открытий, становится ясно, что не так просто все было в его жизни... Признаюсь, и мне трудно понять людей пьющих. Но мое непонимание не дает мне права осуждать их.

Вот последнее в его жизни письмо (воронежду В. Ижугину), которое вы нашли (и которое впоследствии, думаю, войдет в книгу о прозаике), меня оно просто потрясло! Это какая же внутренняя борьба происходила, какая же трагедия таилась в душе человека, если он так писал!

При этом главным в нем было все же другое. Смотрю ранние журналистские блокнотные записки Василия — они говорят, мне кажется, о том, что и в газетной работе он оставался писателем. Перечитал недавно еще раз статью Белокрылова из 1995 года «Возрождение России или... Человека». Замечательная публицистика! Из той, что всегда актуальна. А размышляя о литературе в целом, сравню ее с лесом, где есть молодая поросль, кустарники, деревья, среди которых выделяются высокие, мощные, крепкие... И понимаю, что в первом, вершинном, ряду воронежской литературы второй половины XX века рядом с именами Алексея Прасолова, Анатолия Жигулина, Владимира Гордейчева — это в поэзии, а в прозе — Владимира Кораблинова, Гавриила Троепольского, Юрия Гончарова, Ивана Евсеенко прочно стоит имя Василия Белокрылова. Всегда считал и считаю его талантливым, исключительно глубоким писателем и человеком. Зная его слабости как человека, люди, видимо, не могут поверить в эту глубину. Но слабости человеческие — от жизни, от быта, а талант — от Бога.

Т.Б. Евгений Григорьевич, а это действительно нужно и важно, чтобы миру напомнили о Белокрылове, таком неоднозначном человеке и писателе? И вообще — о любом писателе? Это случается часто — воспоминания о незаслуженно забытых литераторах?

Е.Н. К сожалению, воспоминаний о незаслуженно забытых писателях гораздо меньше, чем хотелось бы. Проходит время, глядишь, а уже некому и вспомнить. И никаких документов не сохранилось. То, что у вас в руках оказался такой богатый архив Белокрылова, я оцениваю как милость Божью, как то, что вам предписано свыше написать эту книгу. Скажете, что преувеличиваю? Ну, может, самую малость. Так что настраивайтесь на работу помаленьку. Я всегда рад ответить на ваши вопросы, если смогу. Честное слово, не помню, чтобы я не ответил на какое-то письмо. Это вообще не в моих правилах.

Т.Б. Евгений Григорьевич, работая над книгой, я стремлюсь понять душу творческого человека. Все усложняется большим объемом интересной и нужной, на мой взгляд, информации. Поэтому не могу из текста выбросить какие-то разные, на первый взгляд, не особо важные детали, что-то рассказывающие о герое или тех и иных периодах его жизни. Но иногда мне кажется, что я совершенно потерялась в теме Белокрылова... Думаю — ну вот, почти прочитала все, почти набрала важное, почти поняла, что делать дальше... Ан нет! Не стыкуется внутреннее белокрыловское с внешним восприятием его родными, коллегами и т.д. Вот тут-то и нужен взгляд со стороны.

Е.Н. Во-первых, хочу сказать вам, Таня, что соединить Белокрылова-писателя и Белокрылова-человека невозможно. Они просто несоединимы. Чаще всего так и бывает. Помните, что Пушкин писал?

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает холодный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...

С Белокрыловым, на мой взгляд, как раз такой случай. Разумеется, есть люди, в которых писатель и человек — одно и то же. Таким был, к примеру, Валентин Распутин. Но это — редкость.

Во-вторых, получив ответы от одного писателя, вы ни на йоту не приблизитесь к пониманию писателя другого. Недаром критики утверждают, что каждый писатель — особый мир. И они, по-моему, правы. Мерить одного писателя мерками другого — неправильно.

Т.Б. Евгений Григорьевич, занимаясь изучением творчества Белокрылова, читаю его стихи, которые он писал «для себя». В его записной книжке есть, как мне кажется, очень личное, не для всех (стихи, имею в виду). Или я так все воспринимаю? Стоит ли мне собирать его сохранившиеся стихи и ему посвященные в одну (потенциальную) книгу?

Е.Г. По поводу стихов Белокрылова скажу вот что. Стихи любого автора не принято считать чем-то слишком уж личным. Когда поэт пишет «я», то это совсем не означает, что он говорит лично о себе. Критики даже придумали специальный термин для таких случаев, и если стихотворение написано от первого лица, то об этом «я» не пишут «автор», «поэт» или, скажем, «Василий Алексеевич». Пишут: «лирический герой стихотворения». И это правильно. Поэт имеет право на вымысел, потому что создает не документальный очерк, а художественное произведение. Этим и руководствуйтесь, работая со стихами Белокрылова.

Но вообще-то вы должны понимать, что Белокрылов в поэзии не был силен. При этом меня в сборнике, что вы готовите, ничто не коробит. В нем стихи Белокрылова привлекают не своим художественным уровнем, а тем, что помогают понять образ писателя, делают его более объемным. В память о писателе книга и нужна.

О ПИСАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Т.Б. Евгений Григорьевич, расскажите о себе — что для вас значили первые публикации, в каком журнале вы напечатались впервые? Как вы воспринимали эти дебюты?

Е.Н. Таня, «толстым» журналом, в котором я впервые опубликовался, был как раз «Подъём». Что для меня это значило? Этого я тогда, по правде говоря, не понимал. Я был молод, меня уже печатали некоторые столичные газеты, и мне казалось, что моя публикация в журнале — самая обычная, рядовая. Я вообще думаю, что любой, кто напечатался в журнале, с трудом объяснит, что это для него значит. Такое понимание приходит гораздо позднее, и зависит оно от того, как сложится литературная судьба человека.

Т.Б. Что-нибудь в жизни мешало вам писать (начать, закончить) какое-то произведение? Имеется в виду нечто душевное: сомнения, тревога, вызванная, например, изменениями в стране и т.п., ступор из-за невозможности ответа на какие-то вопросы и т.д.

Е.Н. Конечно, всякие были препятствия. Например, острый недостаток времени, когда я возглавлял воронежскую культуру. Но даже тогда я находил возможность, хоть и урывками, заниматься творчеством. Помехи эти, как правило, были в рамках того, что вы называете вопросами здоровья, семьи и тому подобное. А все остальное (сомнения, тревоги и прочее) лично меня заставляли только на какой-то период прервать работу и обратиться к другой теме или даже к другому жанру. В качестве примера могу сказать, что когда в стране наступило очередное смутное время, я много работал как публицист. При этом знаю, что многие другие мои коллеги в этот период писать совсем перестали. Некоторые даже навсегда. Большой или малой, но я всегда занят работой. «Ни дня без строчки» — это как раз про меня (хотя, конечно, слегка преувеличиваю).

Т.Б. Как вы справлялись с трудностями? вам кто-то помогал? Понимал? Это важно — иметь единомышленников (друзей, жену, детей, коллег)?

Е.Н. Труд писателя — это труд одиночки. Конечно, единомышленники всегда нужны. Но это — в быту. В писательской же работе они, можно сказать, бесполезны. Как наличие, так и отсутствие единомышленников настраивают писателя на какую-то определенную душевную волну, которая может подталкивать его к работе. От этого зависит не само творчество, а лишь его направленность.

Т.Б. Были ли у вас периоды долгого простоя в литературной работе? Что в итоге оказалось самым главным, важным, определившим ваше литературное наследие, какое оно есть на сегодня?

Е.Н. Периодов долгого простоя в литературной работе лично у меня не было. Но я — как бы случай особый, потому что работаю во многих жанрах. Осознаю, что это — одновременно — и мой плюс, и мой минус. Плюс понятен, а минус в том, что если бы работал в одном жанре, то, видимо, и добился бы большего. Но по-другому я не умею. Работать в одном жанре мне надоедает, хочется попробовать свои силы в чем-то другом. Я о себе иногда говорю так: «Я человек постоянный в жизни, но настоящий изменщик в литературе». По сути, это и ответ на вопрос — о том, что было самым главным, важным, определившим мое литературное наследие.

Т.Б. О чем сегодня можно пожалеть, что было сделано не так?

Е.Н. Вероятно, надо было заставлять себя не бросаться из стороны в сторону. Не сумел.

Т.Б. Что вы в своем творчестве любите более остального: поэзию, публицистику, киносценарии, переводы?..

Е.Н. Конечно, дорого все! Но в разное время — разные жанры. Тут и сказывается пресловутое творческое непостоянство. Сегодня я люблю поэтический перевод. Впрочем, это тот жанр, который я любил, кажется, всегда — начиная со школьных лет.

Т.Б. Евгений Григорьевич, вас часто определяют детским писателем. Пронести этот жанр через всю жизнь — достойно. Многие читатели вспоминают вас из детства как «своего» писателя. Думаю, вы понимаете детей как себя.

Е.Н. Да, дети мне всегда интересны. И вы правильно сказали: я их понимаю. Недавно копался в своих архивах и обнаружил одно свое давнее интервью, в котором мне задали вопрос: «Сбылись ли ваши детские мечты?» Мне самому понравилось, как я тогда ответил. Сказал, что одна мечта сбылась определенно: я мечтал никогда не стать взрослым и в душе так и остался ребенком. На страничке своей внучки в интернете прочитал, что она считает меня своим лучшим другом. Для меня такая оценка — очень высокая.

А то, что помнят мои детские книги, это, конечно, приятно. Мои стихи для детей не раз выходили в Москве, поэтому иногда даже совсем незнакомые люди задают вопрос: «Где купить ваши детские книги?»

Одно из таких писем получил только что. Пишет Мария Минаилова из Москвы: «Добрый день, уважаемый Евгений Григорьевич! Когда я училась в начальной школе, мне на Новый год подарили вашу книгу, название точно не помню, но, кажется, «Веселые стихи». Все стихотворения я выучила за несколько дней наизусть, некоторые из них помню до сих пор и учу со своими детьми. Хотела им тоже купить ваши книги, моя-то уже поистрепалась, но, к сожалению, не могу найти их в свободной продаже. Может быть, вы подскажете, где их можно приобрести? Заранее благодарна за любой ответ». Не скрою, подобные письма не могут не радовать. Но, увы, помочь их авторам сложно. Ведь хорошие детские книги в книжных магазинах раскупаются за считанные дни.

О РАБОТЕ В «ПОДЪЁМЕ»

Т.Б. Евгений Григорьевич, скажите, почему у вас нет книги воспоминаний о работе в «Подъёме»? А ведь это так интересно! Тут и история журнала, и ваша жизнь...

Е.Н. О том, что связывало и связывает меня с «Подъёмом», может, и надо было бы написать, но пока это в мои планы не вошло. А успеется ли, трудно загадывать...

Т.Б. Евгений Григорьевич, а как вы спасли «Подъём»? Знаю, что журнал переживал сложные времена. Читала раньше и о том, что в годы вашего руководства тираж взлетел как космическая ракета...

Е.Н. Что касается спасения «Подъёма»... Об этом я в деталях не писал. Так, мимоходом иногда... Да, в 1990-х было особенно сложно: в ту пору даже библиотеки на журнал практически не подписывались — денег на подписку не было.

А ведь когда только начинал работать в редакции журнала, не мог даже предположить, что с «Подъёмом» будет связана вся моя жизнь, что буду работать здесь редактором отдела, а потом — ответственным секретарем, а потом — главным редактором. Что именно при мне «Подъём» достигнет своего рекордного тиража и что мне дважды (сначала в период работы главным редактором, а потом будучи руководителем культуры области) придется спасать журнал от гибели. Но главное не в этих подробностях, а в том, что сегодня журнал выходит, имеет всероссийскую аудиторию, является одним из лучших литературно-художественных «толстых» журналов России.

Т.Б. Евгений Григорьевич, уважаю ваш профессионализм, точный редакторский взгляд, принципиальность. И, наверное, еще ценнее, когда все это базируется не просто на авторитете (который неоспорим), но, прежде всего, на знаниях, умениях и работоспособности...

Е.Н. Татьяна, конечно же, редакторство аккумулирует многое. Я привык «схватывать» многие огрехи в текстах моментально. Хотя и не думаю, что я все способен заметить. Но... Года три тому назад Виктор Будаков, авторитетный воронежский писатель, пытался со мной спорить несколько раз: мол, не найдешь на вот этих страницах (как правило, это были его статьи, очерки) ни одной ошибки! Я их, мол, вычитал самым внимательным образом. Я, конечно, рисковал — ведь у Будакова большой опыт редакторской работы в книжном издательстве. И все же спорил. И ни разу не проспорил! С тех пор он спорить со мной перестал...

Т.Б. Евгений Григорьевич, и все же я выскажу не только свое мнение, но и многих ваших читателей-почитателей о том, что ваш рассказ о своей писательской судьбе, об истории современной воронежской литературы и востребован, и полезен.

Е.Н. Таня, да какие тут сомнения! Конечно, надо бы обо всем этом написать. Да только где же время-то на это взять? У меня и без того планов — лет на сто вперед!

О КРИТИКЕ

Т.Б. Евгений Григорьевич, работая над книгой о писателе Белокрылове, нередко вхожу в абсолютный ступор — ни вперед, ни назад. Как будто ничего не знаю о нем... Сплошные мучения и сомнения. Так туго идет работа. Причем трудности эти от того, что «не сказка сказывается», а жизнь реального человека пишется... Знаете, сколько у меня сомнений: кроме того, правильно пишу или нет, очень переживаю — интересно ли? А еще главное вопрос: «читается» ли у меня личность и судьба писателя? Понимаю, что должно быть, что надо показать, и даже — каким образом... А в действительности не так просто все собрать воедино. Кажется, вдруг все не то, просто набор слов из архивных писем. Причем боюсь не словесной шелухи (хотя страх литературных штампов постоянен), а размытости портрета героя, отретушированной судьбы... И — одновременно — невыстроенности рассказа, отсутствия последовательности (не событийной, а во взаимосвязи всех жизненных историй).

Е.Н. Вы, наверное, удивитесь, но ваше последнее письмо меня радует. «Как же так? — скажете вы. — У меня сомнения, переживания, а он радуется!» Но эти сомнения и переживания и есть то, что называется творческими муками. Без них ничего путного, значимого никогда не рождается. Никогда! А если они есть, то все идет хорошо. Так, как и должно идти. Как же этому не радоваться? В ступор входят все, кроме графоманов. Любого писатель, даже самый опытный-разопытный, начинает каждую новую свою книгу так же, как он начинал когда-то самую первую.

Т.Б. Мои сомнения часто вызваны и следующим: вдруг моя мысль неверна, и кто-то знающий может разбить напрочь то, что во мне рождалось с болью? А ведь итогом должна стать работа для людей, однако среди них может оказаться хоть один человек-критик или свидетель жизни писателя, который скажет: не так! Не то, чтобы я боюсь такого мнения — боюсь неправильного своего толкования и плохой подачи...

Е.Н. По поводу ваших переживаний скажу вот что. Литература — дело суровое. Тут надо быть готовым и к критике, и к полному неприятию того, что вы сделали. К тому же, как известно, сколько людей, столько и мнений. Критика вообще-то полезна. Но помните, что не всегда критик прав — даже опытный. Надо научиться выделять в критике нужное для себя от того, что нельзя принимать ни при каких обстоятельствах. Замечания — они ведь для того и существуют, чтобы вы сами решали, к чему прислушаться, а что решительно отвергнуть. Так и действуйте!..

О КНИГАХ

Т.Б. Давайте поговорим о любимых книгах. У меня из детства (и на всю жизнь) «Зимовье на Студеной» Мамина-Сибиряка и «Дети подземелья» Короленко запомнились, как первые сказки. Сколько я над ними плакала! Совершенный переворот во мне случился в 6-м классе, когда прочитала принесенную мне книгу Н. Островского «Как закалялась сталь»! А в юности — любимая книга «Овод» Э. Войнич.

Е.Н. «Дети подземелья» и «Зимовье на Студеной» мне тоже с детства запомнились и полюбились. Но еще больше я любил «Каштанку». С чтением, правда, у меня сложились свои отношения. Многие книги я прочитал слишком рано, чтобы их понять. Это, разумеется, плохо. И все же (хотите верьте, хотите нет) с самого детства и на всю жизнь полюбил «Воскресение» и «Анну Каренину» Льва Толстого. А с «Оводом» у нас с вами полное совпадение. Это тоже одна из моих самых любимых книг. Фильм, снятый по этому произведению (тот, в котором Олег Стриженов в главной роли), тоже считаю большой удачей.

Т.Б. А у меня, Евгений Григорьевич, почему-то подобное сложилось с Булгаковым. Его «Мастера и Маргариту» впервые прочитала в 18 лет (вроде уже не дитя), когда знакомая дала на ночь журнал «Москва» (это было в 1980-м). Но ничего не поняла из того, что у других вызывало восторг. Позже несколько раз пыталась вернуться к нему, но так полностью и не прочитала повторно.

А вот решила перечитать книги Белокрылова. Начала со «Страны голубых снегов». Не знаю почему, но рассказы — не мой любимый жанр (казалось, там нет разворота сюжета). Но отдельные авторы, к счастью, меня убедили в обратном.

Вернусь к Белокрылову. У меня все время вертится в голове ваша фраза, произнесенная в ответ на чье-то мнение, что Белокрылов не мог быть глубоким человеком. Вы тогда сказали: «Они просто не читали его прозы». Точно — какой сочный, насыщенный, образный язык, сколько в каждом слове и предложении смысла! Правда, ему было Богом дано — стать писателем. В книге мало диалогов, много описательного повествования. А ведь в детстве и юности, когда я книги «глотала», куски без диалогов не любила, иногда длинные описания природы просто пропускала. Важно было развитие сюжета, пыталась анализировать и додумывать: как изменятся судьбы героев? Что их ждет? И если книгу прочитывала впервые, в сознании формировались ясные образы героев и ситуаций. Часто после этого, посмотрев одноименный фильм, была разочарована — все было не так, как в книге, как у меня в сознании. Помню, подобное было с «И это все о нем» Виля Липатова...

Е.Н. Ваши размышления о книгах мне очень интересны. В сочетании с чувством слова (о нем я, кажется, уже говорил) это могло бы позволить вам писать неплохие рецензии на художественные произведения. Может, попробуете, а?

А вот «Мастера и Маргариту» Булгакова и мне достаточно было прочитать один раз. Прекрасная книга, но не из тех, которые перечитывают.

О ЧИТАТЕЛЯХ

Т.Б. Ваше отношение к читателям — вьедливым, эмоциональным или равнодушным?

Е.Н. Таня, вам я очень признателен за то, что так внимательно читаете мою книгу. Для любого писателя внимательный читатель — просто подарок. А вообще, авторам, не сомневайтесь, интересны все читательские мнения.

«Над вымыслом слезами обольюсь...» Эти пушкинские строчки — как эпитафия к вашему письму. Откровенно говоря, уважаю людей, которые могут расплакаться, читая книгу или просматривая кинофильм. По иному говоря, тонко чувствующих. Иных — не то чтобы не уважаю, а просто не понимаю и не принимаю.

О ПИСАТЕЛЯХ

Т.Б. Евгений Григорьевич, вы за свою долгую литературную жизнь были знакомы и дружны со многими писателями. Ваше отношение к писателям-современникам? Случались ли у вас судьбоносные встречи?

Е.Н. Да разве об этом можно сказать коротко? О многих, кого уважал в жизни, я написал свои воспоминания. К сожалению, не обо всех.

В жизни судьбоносные встречи бывают не у каждого. С Валентином Распутиным я познакомился и подружился довольно поздно, когда уже был автором многих книг. Встретиться мне посчастливилось со многими литературными знаменитостями, но писатель такого масштаба, как Распутин, в русской литературе, я считаю, один.

Таня, вы как-то вспомнили книжку стихов В.Г. Гордейчева «Грань». Нашел

ее, полистал, повспоминал об авторе. И даже собой чуть погордился. Гордейчев же был одним из трех писателей, которые дали мне рекомендации для вступления в Союз писателей. А он в этом деле был очень разборчив и принципиален.

Скажу о большом русском писателе, моем давнем и хорошем друге Иване Евсеенко. Я прочитал все, что им написано. Писатель он редкий, большой — подлинный радетель русского слова, который свято берег традиции отечественной прозы. Жаль только, что при жизни Евсеенко многие не понимали его огромного писательского масштаба.

Хороший прозаик, а главное, хороший человек — Виктор Чекиров... К сожалению, уже ушедший от нас. Уважаю и дружу с Виктором Будаковым, Виталием Жихаревым.

А в целом отношения у литераторов, как и в любом обществе, разные. И поддерживают друг друга далеко не все и не всегда. Когда-то Гордейчев написал: «Радость чужому таланту — редкое свойство души». Есть слишком много равнодушных — в том числе и в нашей писательской среде. Существует и откровенная подлость. Не принципиальность и предательство вызывают у меня то, что я называю болью.

Т.Б. Недавно ушел из жизни писатель Валерий Николаевич Ганичев — большая потеря. Эпоха «ломанных десятилетий» уходит с такими людьми в небытие... Новые поколения уже не знают и, наверное, не поймут, что это за время было... что за люди... что за отношения, ценности, принципы?..

Е.Н. С Валерием Ганичевым приходилось много раз встречаться, решать какие-то вопросы, обсуждать и работу нашей областной писательской организации, и «Подъёма», и многое другое. Как руководитель Союза писателей России он был на своем месте. И я не вижу никого другого, кто мог бы в то переломное время толково и, можно сказать, подвижнически возглавлять наш трудный для руководителя Союз.

Т.Б. Евгений Григорьевич, почему в литературном мире столько писательских союзов? Ведь, кажется, все заняты одним делом...

Е.Н. Тая, в литературе в действительности очень много противоречий. После распада СССР раскол случился и в стане Союза писателей. Еще в 1990-х годах часть писателей объединилась в патриотический Союз писателей России — то есть наш, другая — в либеральный Союз российских писателей. К слову, в письмах В.А. Белокрылова того времени есть честный взгляд на литературу. Его оценки отдельных писателей (Толстая, Пьецух и др.) полностью разделяю. Все они являются членами так называемого международного ПЕН-клуба. Его главная позиция — ничем не ограниченная свобода. А как же быть с ограничениями в области морали, нравственности, с религиозными чувствами людей и тому подобное? На все это они плюют. Конечно, у них есть разные произведения. Но я говорю об общей линии — работе на разрушение русских национальных традиций. Белокрылов тонко уловил все это, почувствовал своим острым писательским чутьем задолго до того, как это стало явным.

Вот вы говорите, что цели у нас одни. Но это не совсем так. Как могут быть у меня одни цели с Дмитрием Быковым, например, если он на каждом шагу поносит Россию и все русское! К сожалению, всевозможных быковых в нашей литературе очень много. Цель у них, мне кажется, довольно шкурная: заметят за бугром, печатно похвалят, а то, глядишь, и издадут. Некоторые из них уезжают. Но там же работать надо! Не нравится это, поэтому возвращаются назад. Не все, конечно. Знаю одного: уехал, остался там, но регулярно приезжает в Россию лечиться. Здесь же это дешевле обходится...

Такие негативные изменения не только в литературе. Например, ваша районная газета продолжает меня удивлять: не отражать важные новости о писателе-земляке — разве это правильно? Впрочем, и другие районные газеты мало отличаются в лучшую сторону, а ведь это издания, которые ближе всех стоят к своему читателю.

Т.Б. Существует ли в отделеции СП традиция как-то отмечать памятные юбилейные даты ушедших воронежских писателей? То есть, например, в 2018 году — 80-летие В.А. Белокрылова, А.А. Ионкина, 110-летие Е.Д. Люфанова и других — и в какой-то назначенный день провести мероприятие памяти всех ушедших юбиляров...

Знаю — у вас есть книга с названием «Вливается прошлое в настоящее». Мне кажется, смысл заголовка как раз в этом — в творчестве, преемственности поколений и — в целом — в непрерывности течения земной жизни...

Е.Н. Традиция отмечать юбилейные даты ушедших писателей у нас существовала, но сейчас как-то стала угасать. Причина — не одна. Во-первых, нам негде стало собираться. В здании на Никитинской улице у нас был небольшой зал. Но Литературный музей, на чьем балансе находится здание, этот зал у нас отобрал. Конечно, помещение для таких собраний найти можно. Но, во-вторых, о многих из ушедших просто некому вспоминать. Вы же сами видите: в писательской организации Белокрылова помним лишь мы с Виктором Будаковым и Сергеем Пылевым. Люфанова — тоже. Ионкина — почти так же. Ну, и так далее. В-третьих, сами писатели на такие мероприятия почти не приходят. Это, конечно, очень плохо, но факт есть факт. Так что подобные «вспоминательные» встречи у нас проходят редко. И лишь тогда, когда появляется повод, подобный вашей книге о Белокрылове. Или, скажем, подобный моей книге «Добрый молодцам урок», в которой я поделился с читателями воспоминаниями о знаменитой сказительнице Анне Николаевне Корольковой. Словом, чаще всего мы используем не формальные поводы, какими, по существу, являются любые юбилеи, а вполне конкретные — выход новых книг.

О ЧТЕНИИ

Т.Б. Литература сегодня не играет той значительной роли, какую имела во времена нашего детства и юности. Жаль. И читателей в «самой читающей стране мира» осталось очень мало. Как возродить интерес к книге? Как не просмотреть творчески одаренных детей?

Е.Н. Согласен с вами. Мы, писатели, делаем все возможное по этому вопросу. Проводится немало встреч, презентаций в школах, вузах. Журнал «Подъём» сделал более двадцати специальных выпусков «Без таких городов не представить Россию» — по малым городам Центрального Черноземья с последующей презентацией в районах. Проводятся областные совещания молодых литераторов. Недавно, кстати, в Воронеж приезжал новый председатель правления Союза писателей России Николай Иванов, встречался с губернатором области Александром Гусевым, писателями, читателями, лауреатами нашей литературной премии «Кольцовский край»... Разных мероприятий проводится немало, но проблемы чтения они кардинально не решают. Потому что это не локальный вопрос, а стратегический, который должен решаться в масштабах всей страны. Должны быть федеральные программы издания социально значимой литературы, поддержки литераторов и так далее. Подчеркну, эту проблему можно решить только, как говорят, всем миром.

ОБ ИНТЕРЕСАХ

Т.Б. Евгений Григорьевич, вы, похоже, любите путешествия?

Е.Н. Да, тут я очень пристрастен! Знаю хорошо Грецию, где живут мои друзья, среди которых и писатели, конечно же, есть. У меня много поэтических переводов с греческого. Союз литературы и искусства Греции не единожды приглашал меня посетить их Родину. И хоть эту страну я исколесил вдоль (от Пелопоннеса до

северных границ с Албанией) и поперек (от Эгейского до Ионического морей), но скоро вновь улечу в свою любимую Элладу (пишут, что приглашают на презентацию моей греческой книжки «Крокодила звали Нил» осенью, но точную дату пока не назвали). Греция — моя давняя любовь. А в январе, незадолго до своего юбилея, полечу на Кипр. Пригласили принять участие в мероприятиях, связанных со 100-летием поэта и художника Семена Волчкова. В России это имя практически неизвестно, а на Кипре его знает каждый.

Т.Б. А в России где бываете?

Е.Н. При любой возможности еду в Москву, в Санкт-Петербург, где хожу в театры, картинные галереи, на выставки... Часто беру с собой внучку.

Летом 2018 года в очередной раз был на своем любимом Северном Кавказе. По нему путешествовать сейчас очень просто. Обычно мы с женой останавливаемся в гостинице одного из городов Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки), уж оттуда такая масса экскурсий — длительностью от половины дня до нескольких суток. И Приэльбрусье (и даже сам Эльбрус), и Домбай, и Тбилиси, и Грозный, и Нальчик, и морское побережье, и т.д., и т.п. На любой вкус и кошелек можно подобрать.

О ШУТКАХ

Т.Б. Евгений Григорьевич, отправляю вам пригласительный билет на вечер памяти Белокрылова. Дополнительно сообщаю: наличие фрака, шляпы и трости не требуется. Ждем. Отказы не принимаются.

Е.Н. Добрый день, Таня! Фрак в ремонте, шляпу и трость выбросил. А сам на месте, и отказов не будет!

Т.Б. Уважаемый мэтр, если после работы о Белокрылове грянет слава, награды и премии — мы с вами в доле; если претензии, суды и аресты — то все беру на себя.

Е.Н. Татьяна, если что — я отсичу.

Т.Б. Евгений Григорьевич, как хорошо, что вы все знаете и меня наставляете! Конечно, вам-то классно так работать. А давайте я научу вас делать калькуляцию стоимости продукции. Или экономический анализ... Ну, хоть что-нибудь от меня...

Е.Н. Таня, с калькуляциями я тоже когда-то дело имел. Но давно это было — тогда работал инженером. Теперь уже ничего не помню. Но пришла в голову одна смешная ситуация. Поручили мне как-то написать объяснительную записку к годовому отчету. Надо было (в том числе) написать о причинах невыполнения годового плана. Спрашиваю у начальника производственного отдела: мол, чего писать-то? А он и говорит: «Пиши, что причиной невыполнения является снежная зима, засушливое лето и весенне-осенняя распутица». Я так и написал. Ничего, все прошло. Видимо, никто не читал ее, эту записку.

О ВОЗРАСТЕ

Т.Б. В одной статье, опубликованной на сайте «Росписатель», упомянуто ваше имя. Странно читать о вас: «патриарх», хотя литературы — да, конечно! А так-то вы — мальчишка, только сдержанны очень, так и хочется сказать, «не по возрасту» (простите за панибратство).

Е.Н. Что касается «патриарха»... Вроде бы лестно должно быть. Но... От этого понятия веет чем-то старым и немощным. А я совсем не такой! Честное слово!